

Во всех почтовых отделениях связи Краснодарского края продолжается подписка на газету «Кубанский писатель» на 2 полугодие 2018 года.

Кубанский Писатель 12+

№ 5 (1231)

май
2018 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

К 95-ЛЕТИЮ
АНАТОЛИЯ
ЗНАМЕНСКОГО

КУРГАНЫ

Над перепутьями знакомыми,
В степи от Волги до Карпат,
Курганов древние шелома
Людскую память сторожат.

О чём курганы те пророчат
Под птичий гай и шелест крыл?
О чём молчит январской ночью
Седой от стужи чернобыл?

В земле, снарядами изрытой,
Маячат от небытия
То след татарского копыта,
То ржавь тевтонского копыта...

А ветер гнёт траву густую
И гонит степью облака,
А время будто протестует,
Что наша память коротка.

И на века хранят курганы
Её, как стражи тех могил,
Где пращур пал, где партизаны
Тротилом рвали вражий тыл...

Над перепутьями знакомыми,
От Приуралья до Карпат,
Курганов древние шелома
Покой России сторожат.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пока не поздно – возвращайтесь
К забытым хатам и полям,
Где старый дед оставил затесь,
Как тайный знак – себе и вам.

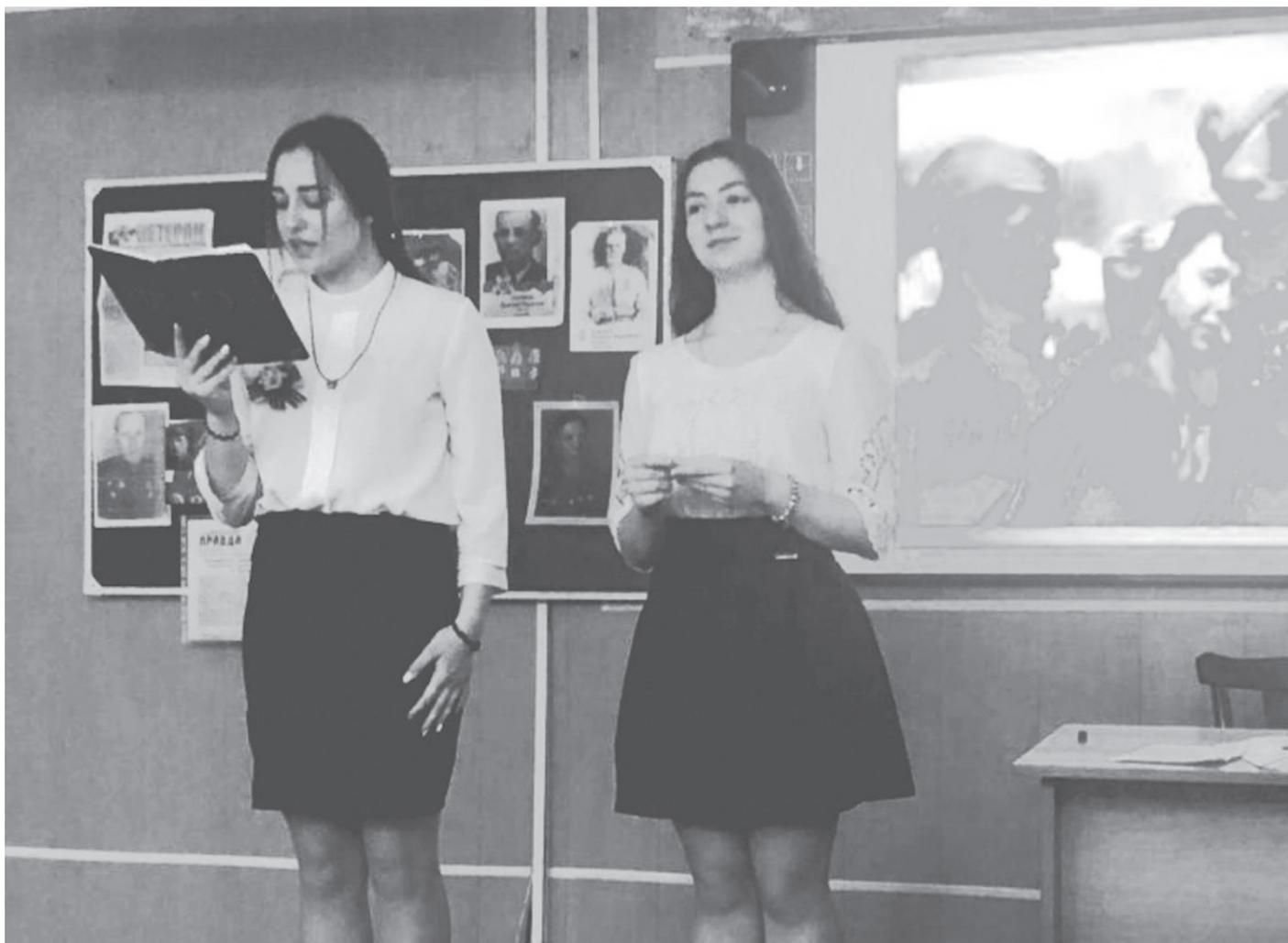
Гордыню города уймите,
Похороните лень и спесь,
На борозде посеите жито!
И хлеб насущный
Даст нам днесь...

Пока не поздно – возвращайтесь
К лопате, плугу, топору!
Детей рожайте и купайте
В росе прохладной
Поутру!

Бросайтесь в реку с крутояра,
Иль стойте тихо у реки...
Но, чтоб не сгнуться в новой сваре,
Врагам не верьте,
Чудаки!

(продолжение на стр 4)

ПАНОРАМА

● Выездное заседание литературно-музыкальной гостиной Кубанского землячества в Москве было организовано в рамках встречи праздника Великой Победы и состоялось 17-го апреля в столичной школе №2092. Писатели провели Уроки мужества в актовом зале школы, которая носит имя трижды Героя Советского Союза И. Н. Кожедуба и знаменита тем, что в её стенах работают пять музеев, самый крупный из них – музей Краснодарского края. Есть также музеи Великой Отечественной войны, космонавтики, татарской культуры, горячих точек. Ребята услышали рассказы о кубанских писателях-фронтовиках, стихи о доблести и героизме советских солдат. Перед учениками старших классов выступили поэты Светланы Макарова-Гриценко, Ирина Ковалёва и Василий Дворцов.

● По решению Министерства образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края в программу Уроков мужества включена поэма Василия Дворцова «Правый мир». В преддверии праздника Победы в Армавире, в гимназии №1, ученики 10 класса «В» провели Урок мужества, посвящённый знакомству с произведением известного прозаика, поэта и публициста Василия Владимировича Дворцова «Правый мир». Поэма посвящена его деду Илье Васильевичу Дворцову, на долю которого, как и на всех граждан СССР, выпали суровые испытания. Илья Дворцов с честью прошёл дорогами войны. Его подвиги были отмечены двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, а также многочисленными медалями.

На Уроке мужества гимназисты просмотрели презентацию поэмы, читали наизусть отрывки из «Правого мира». Урок прошёл в форме дискуссии, где каждый мог высказать своё мнение по обсуждаемым во-

просам: патриот, гражданин, честь и долг, Мать-Отчизна или собственная жизнь... Оказывается, место подвигу есть всегда...

«Не случайно ученики нашего класса, заинтересовавшись, прочитали поэму, и она произвела на нас неизгладимое впечатление. Мы, внуки тех, чья жизнь стала подвигом во славу родного Отечества, мы должны помнить и бережно хранить в памяти подвиг простого солдата, благодаря которому мы живём под мирным небом», – считают ребята. Разговор был не только познавателен, но и смог затронуть самые высокие душевные чувства ребят, поэтому инициативная группа направилась к семиклассникам и провела для них Урок мужества о храбром защитнике Отечества, казаке Илье Васильевиче Дворцове

● В рамках заседания клубного объединения «Исторические хроники» в ДК станицы Анапской для учащихся местных школ прошёл исторический урок «Анапа – город воинской славы», приуроченный к 7-й годовщине присвоения городу высокого звания.

Перед началом урока все желающие смогли ознакомиться с экспонатами выставки «Пока горит свеча» и оценить работы участников муниципального творческо-исторического конкурса «Анапа в солдатской шинели», объявленного советом молодых депутатов и Народным станичным музеем. Вёл урок заведующий музеем Александр Трущенко. Открылся он фильмом из цикла «Города Победы», посвящённом Анапе. С большим вниманием ребята слушали автора книги «Анапа – город воинской славы» краеведа Валерия Валиева, военные стихи Сергея Лёвина в авторском исполнении.

Знакомиться с героической историей нашего родного города и страны юным станичникам помогла литературная композиция «Память» в исполнении участни-

ков народного творческого объединения социокультурного развития «Открытые сердца». Яркий след оставили видеофильмы о подвигах Героев Советского Союза капитана Дмитрия Калинина и сержанта Сурена Аракеляна, видеоклип «Так хочется жить» о станичниках-участниках Великой Отечественной войны, созданные детской телевизионной студией «Колибри» и любительским фотоклубом «Объектив».

«Очень важно проводить подобные уроки, организовывать встречи подрастающего поколения с ветеранами и краеведами, которые живым и доступным языком расскажут детям о том, почему Анапа носит высокое звание Города воинской славы, какой высокой ценой досталась нашим дедом и прадедам Победа в Великой Отечественной войне, – считает член Союза писателей России Сергей Лёвин. – В то же время было трогательно до глубины души слышать, как ребята читают наизусть, с полным погружением в текст, серьёзные стихи о жесточайшем военном времени. Думаю, этот грамотно подготовленный и прекрасно проведенный урок его участники запомнят надолго».

● «Библионочь» на Кубани, с 21-22 апреля, прошла при самом активном участии кубанских писателей, членов Союза писателей России. Около 5 000 читателей краевого центра принимали участие в проведенном городском празднике чтения, посвященном 75-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков. Под девизом «Читаем книги в полночь» в библиотеке имени В. В. Маяковского совместно с методистами городского библиотечного комплекса писатели Т. П. Немчинова и Г. Г. Пошагаев провели встречу с читателями и увлекательное путешествие в историю книг.

ПОЭЗИЯ

Светлана Медведева

*Лётчику-космонавту СССР,
дважды Герою Советского Союза,
первому космонавту Кубани
Виктору Горбатко*

Не возьмёшь в полёт ни ливень
И ни речку, и ни лес,
А вот веточку полыни
Все берут на МКС.
Улетая утром ранним
В небо, в космос высоко,
Горсть родной земли с Кубани
Взял с собою Горбатко.

МОЙ КРАСНОДАР

*Автору романа-эпопеи
«Мой маленький Париж»
Виктору Лихоносову*

Краснодар – город солнечных крыш.
Говорят, ты похож на Париж.
Я в Париже, друзья, не была, –
У меня в Краснодаре дела.

В славном городе с детства живу.
Мил во сне мне и люб наяву.
Ты на ниве стоишь золотой,
Добр и светел люблю порой.

На просторах кубанской земли
Славно трудятся дети твои,
А смеёшься ты или грустишь,
Всё равно ведь похож на Париж!

Пусть Париж далеко – не беда.
Краснодар мой со мною всегда.
Влюблена я в тебя, город мой, –
Ты навек стал моею судьбой.

* * *

Мой край!
Люблю тебя, мой край родной,
твои леса и горы.
Судьбой мы связаны одной и в
радости, и в горе.
Казачья песня тут живёт, есть русской
славы корни.
А поле хлебное твоё державу нашу
кормит.
Смотри, какие имена хранят твои
страницы,
Ведь нам история дана в событиях
и в лицах.
И Ляпидевский, и Носаль, Суворов,
Пушкин, Горький...
Дух закаляли наш, как сталь, чтоб взгляд
на мир был зорким.
Покрышкин в небе вёл бои с фашистскою
ордою.
Игнатовы в разведку шли. Степановы –
герои...

Мой Краснодарский добрый край, –
ты ста народов братство.
Твой урожайный каравай – душевное
богатство.
Земле Кубанской нет цены, в Отчизне
каждый знает.
Мы пашней, вольностью сильны и
на торги сдать не должны
Поля родного края...
Лежат в земле семена и кости наших
предков.
Поля утюжила война, слезами
беды-бедки.
Мне дорог дальний хуторок, милы:
пичужка королёк,
Глазастый нежный василёк, от маков свет
зарничный.
Людей любимых путь пролёг в страду
на ток станичный.

Живи, цветы, земля моя с молитвой
христианской.
Богаче где-то есть края, – мне люб мой
край Кубанский!

МЕНЯ И РОДИНУ СПАСЛИ!

Я помню город мой в руинах –
Шёл 43-й грозовой,
И на дорогах стыли мины,
Но стал свободным город мой
От душегубок, взрывов, гари
И от фашистских злобных слов.
Чтоб в космос полетел Гагарин,
Трудиться город был готов.
«Авроры» не было в помине
И памятников землякам,
Но становился город мирным
Ещё с оружием в руках.
Плескался красный флаг на башне,
Вновь поднимался Краснодар.
Навзрыд мы плакали о павших,
Храня святой великий дар –
Из пепла гордо возрождаться,
Расти в трудах, петь и цвести,
За дни грядущие сражаться,
С любовью счастье обрести.

Моя кубанская столица,
Мой хлебный край, земля моя,
Тобою люблю мне гордиться,
Ты – дом родной, моя семья.
Под Краснодаром, Сталинградом
Шли жесточайшие бои.
Советским кланяюсь солдатам
Меня и Родину спасли!

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Есть священные даты – не забудем о том:
Защитили солдаты под
свинцовым огнём
На Кубани станицы и поля под Орлом,
Где поют громко птицы на раздолье

родном,
Где мы песни слагаем и душевно поём,
Как они брали с боя город и высоту,
От снарядного воя глохли в летнем саду.
Не страшили их беды, жёг фашистский
металл,
И дожить до Победы в сердце каждый
мечтал.
Коченели в окопах, шли в атаку не раз
В русском поле широком, выполняя
приказ.
Не боялись простуды, горевали, коль нет
Треугольного чуда из родительских мест.
Карандашным огрызком мастерили
ответ:
«Жаль, нет точной прописки.
Да, победа так близко... И соседям –
привет!».
Умирали солдаты за меня и за нас,
Чтобы мы были рады провожать
в первый класс
Внучку с бантом воздушным и с букетом
большим,
Улыбаясь веснушкам внука от всей души;
Видеть зори-закаты, верить в правду
и честь...
Есть священные даты и победные есть!
Помнить вечно мы будем, мы, российские
люди,
Память – в завтра наш мост:
красный флаг над рейхстагом,
Красный цвет у отваги, на пилотках –
цвет звёзд!

СОЛДАТЫ

*Ветеранам Великой
Отечественной войны,
кубанцам Раисе и Василию
Солодухиным*

...Выросла береза у деревни,
Помнила жестокою войну.
Не как все вокруг неё деревья
Искренне любила тишину.
Юной пережив боев немало,
К вою мин привыкнуть не смогла.
Боль в стволе берёзу изнуряла, –
Там война осколком залегла.
Взрослой, распушив ветвей корону,
Сил чуть-чуть берёза набралась,
Солнечной своей гордилась кроной.
Не имел над ней осколок власть.
Раз весной пришёл к берёзе воин:
«Ну, привет, солдатка!
Ах, жива!
Да, Победы мы с тобой достойны.
Ты, берёза, и твой брат Иван.
Мною трудный путь к тебе был долог
По дорогам раненой страны.
Носишь ты в своём стволе осколок.
Я у сердца свой ношу с войны».

*Р.Б. Солодухина проживает
в г. Кореновске*

ТИХИЙ ВАЛЬС

Тихий вальс волнует пары,
И движенья их легки.
В краснодарском парке старом
Вновь танцуют старики.

Помнят грозы боевые,
Как сирень цвела тогда,
Молодые, огневые,
Светлой юности года.

Помнят, как свинцовой кашей
Накормили всласть врага
И домой вернулись к пашням,
К милым сердцу берегам.

В краснодарском парке старом
Под шатром зелёных крон
Плавно двигаются пары
И медалей слышен звон.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ломоть луны в окошко светит.
Колышет мальву майский ветер.
Вокруг все спят, а мне не спится,
Слеза кочует по ресницам.
Внезапно вспомнилось бывшее:
Как свеклу в поле я полола,
Лицо и руки коченели,
И рядом брат мой был в шинели...
Послевоенных лет немало
В колхозе я делила с мамой, –
Коров доила утром рано
И колоски днём собирала.
Давно то было, в детстве милым,
А жизнь стрелой промчалась мимо,
Но снится мне моя станица
И Кореновск любимый снится...

Я – дочь капитана пехоты
Мой год рожденья 41-й,
Я свой расчёт веду с войной...
Вновь слышу войны отголоски
В скрипучих протезах соседа,
И в орденских планках геройских
Мне видится отблеск Победы.
Флаг красный на улице Красной
Над башней в родном Краснодаре
С дней страшных, жестоких, опасных
Свободы свет пламенно дарит.
Не я в бой бросалась когда-то,
Не я хоронила убитых,
Но горе вдовы и солдата
Моею слезою полито.
Летит жизнь в трудах и заботах,
А в памяти – грозная вежа.
Я – дочь капитана пехоты
Всё слышу военное эхо...

ПАНОРАМА

Презентация книги Алексея Некрасова

24 апреля заседание литературного объединения «Верность» при Краснодарском региональном отделении Союза писателей России прошло в Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова и было посвящено презентации сборника стихов члена ЛИТО Алексея Некрасова. Подготовила презентацию заведующая отделом библиотеки Наталья Федоровна Лободырева, Книга «Свет любви и мужества», небольшая по объёму, получилась яркой и выразительной. Ведь основой для вошедших в неё стихов стал жизненный путь автора, поэта, офицера МВД, активного участника профсоюзного движения, члена Всероссийской полицейской ассоциации, имеющего многочисленные публикации в «Милицеской газете Кубани», российском журнале «Милиция» и других изданиях МВД.

На презентации выступили поэт Вячеслав Диника, член правления КРО СПР, руководитель ЛИТО «Верность», Александр Сапрунов, генерал-лейтенант милиции, доктор юридических наук,

профессор Краснодарского университета МВД России, Василий Замираев, заместитель председателя Краевого совета ветеранов правоохранительных органов, заместитель председателя Краевого совета ветеранов правоохранительных органов, Литовка Александр Петрович, заместитель председателя Краснодарской краевой территориальной организации профсоюзов работников государственных учреждений, Евдокимов Вадим Вадимович, председатель Русской общины Кубани, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Кубани, краснодарские поэты, представители общественности.

Презентацию украсило выступление известной краснодарской скрипачки, «леди мюзик», лауреата всероссийских конкурсов Виктории Шаповаленко. Прозвучали также песни в исполнении сына и дочери поэта – Хаткиной Марии и Некрасова Николая, демонстрировались фото и видеоматериалы из семейного архива автора.

СОБИНФО

Светлана Макарова-Гриценко

«Всё стёрлось из головы...»

*Давайте играть на скелетах
Стилетами и стамесками
Прикольными эсэмэсками,
Тащить их за жабры к свету.
Какие такие проблемы,
Главнее не мамы, а вампил!
Растоптан Гюго и Мамулов.
Так хочется быть вампиром.
Давайте играть в поздний час...
Но дело, ребяташки, в том.
Скелеты сыграют потом,
На нас, уж поверьте, на нас.*

Н.А.Ивеншев.

У кубанского прозаика и поэта Николая Ивеншева один из стихотворных сборников называется «Капроновая трава», писатель с большой тревогой предупреждает нас о всё большем засилии неживого, фальшивого в окружающем мире... Я ещё раз вспомнила об этих угрозах, когда познакомилась с произведениями Милы Нокс, краснодарского автора, победителя VII сезона одного из крупнейших российских конкурсов в области детской и юношеской книги. «Главным призом конкурса «Новая детская книга» так и осталась вне конкуренции. Я мечтала о победе именно здесь. Спустя годы я наконец-то решила отправить большое произведение – и вот «Макабр» стал победителем. Бесспорно, «Новая детская книга» – лучший старт для начинающих. Из никому не известного автора всего за год я стала писателем, у которого тысячи читателей, презентации, фотосессии и две книги в изумительном оформлении, – а другие авторы мечтают о таком годами! Не могу не поблагодарить «Росмэн»: без конкурса ничего подобного бы не случилось».

А вот отзыв об этом конкурсе самой Милы: «Моё участие в 2016 году не было случайным: долгое время я приглядывалась к разным конкурсам, но «Новая детская книга» так и осталась вне конкуренции. Я мечтала о победе именно здесь. Спустя годы я наконец-то решила отправить большое произведение – и вот «Макабр» стал победителем. Бесспорно, «Новая детская книга» – лучший старт для начинающих. Из никому не известного автора всего за год я стала писателем, у которого тысячи читателей, презентации, фотосессии и две книги в изумительном оформлении, – а другие авторы мечтают о таком годами! Не могу не поблагодарить «Росмэн»: без конкурса ничего подобного бы не случилось».

Таким образом, вполне понятно, что издательство «РОСМЭН» легко решает проблемы с поисками новых имён и успешно верстаёт издательские планы. Из совершенно неискушённых авторов ежегодно оно делает «настоящих писателей», предлагая именно их произведения самой сложной подростковой аудитории. Сложной по целому ряду факторов, так хорошо изученных психологами и социологами, не буду эти факторы перечислять. Подчеркну

только, что именно в подростковом возрасте, когда идёт активное формирование личности, выбор жизненного пути, книга может и должна играть роль решающую. Но сегодня всё внимание обращено к фантастике и фэнтези – вот на чём можно легко заработать. Неискушённые авторы «Новой детской книги» – те, кто не только согласен на любые условия, но счастлив принять их.

Итак, автор фэнтези для подростков, создатель целой серии «Макабр» Мила Нокс имеет, как она утверждает, многотысячную толпу фанатов, и лишь малая её часть, отмечает кубанская версия «Российской газеты», – в Краснодаре. Уже три книги из серии «Макабр» представлены читателям: «Игра в сумерках» (2017), «Путешествие в полночь» (2017), «Война на востоке» (2018). Так чем же «потчует» своих читателей писательница, в поддержку которой и в столице Кубани московское издательство «РОСМЭН» организует мероприятия?

Слово «Макабр» в европейском средневековье означало «Пляска смерти». Макабр танцевали на кладбищах в виде забавы. Представители разных возрастов и сословий изображали пляшущих мертвецов, словно демонстрируя бренность человеческого бытия.

Глумление над смертью – чисто европейская особенность, чуждая русской культуре. Именно с Запада пришел к нам нелепый праздник Хеллоуин, а также всевозможные страшилки, вроде фильмов американского кинорежиссёра Тима Бертона, большого поклонника макабра. Насажение черного юмора и настойчивое возбуждение интереса к смерти теперь проникло и к нам.

Смерть – доминирующий образ, тиражируемый в литературе для наших подростков. И как тут не вспомнить про готов и юношеский суицид. Но издателей это совершенно не смущает. Вот как «загадочно» они сообщают о содержании книги «Игра в сумерках»: «Трансильвания... Самое жуткое и загадочное место на свете, где обитают оборотни, стриги, колдуны... и те, кто на них охотится. А еще в Трансильвании возле маленького городка Извор, за древними курганами, где племя даков хоронило своих мертвецов, мирно живет Теодор Ливиану. Когда его жизнь рушится, он решает бороться – несмотря ни на что! – и вступает в опасную игру, участвовать в которой приглашает... сама Смерть».

На деле за этим стоит построенное на штампах, законах жанра и требованиях коммерсантов проба пера неискушённого автора. Называемая в народе «залипуха».

Судите сами, повествование начинается

с дневника главного героя Тео, который начал писать его, боясь потерять память. Повод – день рождения: «Я отпраздновал свой очередной день рождения, проснулся наутро – и понял, что не помню ничего, даже своих подарков. Всё стёрлось из головы, вся жизнь!» Оставим на совести автора сомнительное словосочетание «стёрлось из головы». Из головы могло что-то вылететь, а стёреться – в голове. Какое-то время читатель мучительно разбирается: один день забыл герой или – всю свою жизнь? В конце концов, как я поняла, Тео не забыл ничего. Но для Милы Нокс это не имеет значения. Она сама забывает, о чём писала и предлагает уже другую версию: «Через два месяца мне исполнится шестнадцать, но помню я себя только с десяти лет. Что было раньше – хоть убей, не могу представить, словно там черный провал и предыдущей жизни не было... В общем, моя жизнь – сплошная загадка». Вот оказывается как! Далее нестыковки в тексте только множатся. Описывая жизнь семьи отшельников, колдунов-знахарей, в которой родители оборачиваются лисами и кормятся именно в этом облике, добывают пропитание, охотятся в образе зверей и ради того, чтобы прокормить сына. Они практически не имеют средств, не мудрено, что парень забыл про подарки. По логике – их вовсе не было. Но разве девушка-автор может такое представить? Её герой не ходит в школу, не читает книг, даже не общается с горожанами до какого-то времени. Но он обладает каллиграфическим почерком, умеет хорошо складывать слова, обещает описать каждый свой день. Конечно, о том, что пишет дневник, Тео тоже благополучно забывает. Ведь это не главное его занятие. Ночи напролёт он рыскает по лесам-холмам и захоронениям. Для чего – автор не объясняет. Более того, Мила утверждает, что её герой Тео ничего не знает о жизни своего отца.

« – Сколько тебе лет?

– Что? – Отец поднял бровь.

Это был простой вопрос. Его может задать любой человек, с которым ты разговоришься на ярмарке. «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» Теодор и этого не знал».

Вот как живётся герою – даже имени и возраста своего отца мальчик не знает! Но, буквально через страницу, сама автор теперь забывает об этом, и мать Теодора (он слышит её голос) привычно кричит его отцу: «Что ты имеешь в виду, Лазар?» Позвольте! Разве можно так дурачить читателя? Мила, вы хоть по одному разу свои тексты перечитываете? Похоже – нет. Я уже не беру во внимание такие тонкости, как

«пара ребят», для Милы подобные ляпы – лёгкое недоразумение. Не имеет смысла и разбираться в коллизиях повествования и представленных Милой типажах. Автор, по-моему, не только совершенно не задумывался над стройностью и логикой изложения, но даже не догадывается о них. Издательству «РОСМЭН» и вовсе недосуг готовить тексты к печати. Зачем? Подростки и так «проглотят» мертвецов, полулюдей, ужасики, драки и насилие. Этот широко тиражируемый коктейль подаётся под разными названиями. Суть одна – фальшь. Не существует писателя Милы Нокс, есть молодая автор, обладающий литературными способностями, допускаю – даже в какой-то мере талантом. Талант – это повод для постижения ремесла. Но вместе с издательством «РОСМЭН», которое откровенно зарабатывает на коммерческой литературе, Мила Нокс не стесняется смешить людей. И ждёт новых поклонников своего творчества среди краснодарцев. (Об этом сообщила краснодарская версия «Российской газеты», помещая материал о наших «самых известных писателях»)

Вместе с другими подобными авторами. Например, Мариной Тараненко, которая уверена, что её серия «Хирофанты» (опять же оцените название!) популярна у столичных читателей. Но вот отзыв одного из этих самых читателей, который я взяла из Интернета, свидетельствует, что и здесь нет понятия о профессионализме: «Что-то (в книге «Хирофанты») показалось нелогичным. ...Из минусов – небольшая рваность сюжета, то есть автор чуть ли не перескакивает какие-то куски, которые подразумеваются. Всё понятно, но немного раздражало. В плюсах – динамичность истории, интересные живые персонажи, небольшая детективная составляющая с предательством. Только концовка какая-то быстрая и ощущение незаконченности, много вопросов. Оно-то и понятно, вон вторая книга под рукой уже, но всё равно чего-то не хватило».

Не хватило профессиональной работы над текстом. Книги изданы, а литература в них отсутствует. Более того, фальшивый продукт издательства «РОСМЭН» предназначен не для соиздания личности, а для формирования российского мэна. Вот для какой цели придуман смердящий и одновременно очень смешной «Макабр» (словно скрежет железа от этого слова) и так чуждые русскому уху «Хирофанты». Читателям можно посочувствовать, а у писательниц спросить: «На что жизнь свою тратите, девушки?» Вопрос, конечно, риторический...

ПАНОРАМА

10-летие литературно-художественного альманаха «ОРФЕЙ»

20 апреля 2018 года в малом зале Дворца культуры города-курорта Геленджик состоялось празднование десятилетия литературно-художественного альманаха «ОРФЕЙ».

В гостях у «орфеевцев» присутствовали гости: начальник управления культуры, искусства и кинематографии муниципального образования город-курорт Геленджик Ольга Владимировна Нефёдова, член правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Юрий Геннадьевич Васин, Протоиерей Свято-Преображенского храма, председатель Кадетского братства города-курорта Геленджик Отец Виталий, депутаты городской Думы, а также представители творческой интеллигенции и читатели альманаха «ОРФЕЙ».

За 10 лет существования вышло 39 номеров – это событие, определённая веха не только самого альманаха и того кто его создаёт, но и всей творческой жизни города.

Екатерина Дмитриевна Курс, человек много лет прослужившая культуре города-курорта Геленджик, отметила: «Первый выпуск альманаха «ОРФЕЙ», как порыв свежего ветра ворвался в культурную жизнь города-курорта Геленджик. Читала аль-

манах, что называется, от корки до корки, радовалась его появлению, как рождению ребёнка». Роза Сергеевна Маслова, будучи заместителем главы города вспоминает: «Издание альманаха является, несомненно, творческим достижением интеллигенции нашего города».

Свои приветственные слова адресовала литераторам и Светлана Николаевна Макарова, председатель правления Красно-

дарского регионального отделения Союза писателей России: «Страницы альманаха стали не только стартовой площадкой для многих начинающих авторов Геленджика, но и единственной возможностью познакомиться с их творчеством читателей».

За 10 лет в литературно-художественном альманахе публиковали свои произведения более 150 авторов. Поражает и география проживания литераторов: около 30 городов нашей страны, а также из Украины, Германии, Израиля. В альманахе печатаются авторы от семи и до девяноста лет, читают его и стар и млад.

С большой благодарностью на празднике вспомнили Владимира Семёновича Рудковского – основателя и главного редактора альманаха «ОРФЕЙ» (2008 – 2016 г.г.), Сергея Александровича Клыкова – композитора и исполнителя, Бориса Быстрова – художника, автора логотипа «ОРФЕЯ», поэтессу Валентину Мартыненко, Дину Любушкину – автора-исполнителя бардовской песни, Петра Фёдоровича Яценко – члена ЛИТО «Орфей» автора публицистических рассказов о морской службе, поэта Ивана Пухно.

Свои поздравления прислали главный

редактор журнала «Бийский Вестник» В. В. Буланчев (Алтайский край), Михаил Семёнович Рудковский (Челябинская писательская организация), Лариса Ивановна Новосельская (Союз российских писателей), Игорь Маврович НЕХАМЕС (Академия российской литературы), Интернациональный Союз писателей.

Грамотами и дипломами от управления культуры города, Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, Свято-Преображенского храма, правления ЛИТО «Орфей» были награждены самые активные авторы альманаха.

Два автора (члены Интернационального Союза писателей) В.И. Царев и А.А. Мерзлов, были награждены грамотами за активную творческую деятельность и участие в общественной жизни ИСП.

Выступления, награждения, музыкальные номера перекликались с бурными рукоплесканиями в зале.

главный редактор литературно-художественного альманаха «ОРФЕЙ», член Союза журналистов России Владимир Царев

К 95-летию Анатолия Знаменского

Гражданства искра здесь горит!..

«Помнят на Кубани А. Д. Знаменского» – так был назван прошедший 27 апреля с. г. в библиотеке им. А. Знаменского (п. Белозерный) творческий вечер, посвященный 95-летию со дня рождения выдающегося кубанского писателя-прозаика, публициста Анатолия Дмитриевича Знаменского (1.05.1923-1997г.г.) – автора романов «Неиссякаемый пласт», «Ухтинская прорва», «Иван-чай», «Год первого спутника», «Красные дни»; повестей – «Сыновья Чистякова», «Обратный адрес», «Осина при дороге», «Семь концов», «Завещанная река», «Безымянные высоты».

Каждая его книга – это история судьбы, человеческой жизни, тесно сплетенная с жизнями других людей. И важно отметить, что за документальный роман-эпопею «Красные дни» А. Д. Знаменский в 1989 году был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Также Анатолий Дмитриевич являлся лауреатом многих литературных премий, в числе которых премия им. М. А. Шолохова и краевые премии им. Н. Островского, К. Россинского, Я. Кухаренко. В 2003 году библиотеке посёлка Белозер-

ного было присвоено имя этого крупнейшего талантливого литератора-просветителя.

В 2005 году Краснодарским региональным отделением Союза писателей России, возглавляемым председателем С.Н. Макаровой-Гриценко, и мэрией города Краснодара была учреждена ныне действующая муниципальная литературная премия имени А. Д. Знаменского. Премия, которой не без основания гордятся все, кто удостоился чести стать её лауреатом.

Таким образом, Анатолий Дмитриевич Знаменский увековечен в памяти народной как чрезвычайно достойный, яркий, незаурядный, неординарный писатель-патриот, внесший свой значительный вклад в развитие культуры, литературы, в дело развития и становления Кубанского региона. При этом следует отметить, что последние годы жизни он принимал самое активное участие в движении за возрождение России и казачества. Всё его творчество – это чистейший, честнейший продукт его высокой духовной культуры и колоссальных знаний, воплощенный через творческий литературный процесс в прославление Кубани: с момента

её освоения казаками и, практически, до нашей эпохи.

На юбилейное памятное мероприятие в апреле этого года руководство библиотеки пригласило в качестве почётных гостей лично знавших Знаменского: членов Союза писателей России, членов краевого правления Союза писателей России – поэта В. А. Архипова, прозаиков – Т. П. Немчинову и Г. Г. Пошагаева, также друга семьи – заслуженного работника культуры Кубани и России В. В. Евдокимова.

Уникальную возможность услышать из первых уст воспоминания о великом писателе и увидеть интересный презентационный видеofilm, подготовленный сотрудниками библиотеки, получили присутствовавшие на торжестве школьники и читатели, ценители и почитатели литературного наследия кубанского творца.

В концертной программе, подготовленной вокальным педагогом Краснодарского музыкального колледжа Н. А. Римского-Корсакова, профессором В. В. Евдокимовым совместно с его первым учеником, заслуженным работником культуры России

Н. Ускиревым, прозвучали любимые музыкальные произведения именитого писателя.

В заключительной части все участники вечера сердечно благодарили лично директора библиотеки Маргариту Владимировну Лобжанидзе и передавшую ей эту эстафету, долгие годы возглавлявшую сию литературную обитель Любовь Александровну Якунину, а также весь коллектив, немало сделавший для увековечивания памяти и просветительской пропаганды творчества крупнейшего маститого писателя необычайно сложной судьбы.

О писателе, вошедшем в плеяду кубанских титанов-мыслителей, поэт – лауреат премии имени А. Знаменского – В. А. Архипов сказал: «Он, Знаменский, с нами, как знамя!». И здесь можно резюмировать то, что является очевидным: просветительским флагманом, с честью, достойно несущим это знамя, являются не только писатели Кубани, но, что очень ценно, замечательный коллектив библиотеки посёлка Белозерного.

Т. П. Немчинова,
писатель, публицист

Голоса России

Что нынче знается, то завтра скажется...
(Пословица)

Анатолий Знаменский Завещанная река

В лето 7216-е от сотворения мира великие бунты были на Дону и Слободской Украине, умылось кровью Дикое Поле. А потом лютая зима прошла, и с потом водой ждали царя в замирившемся Черкасске.

Уже отчадили по дальним и ближним станицам последние пожары и размели конские хвосты тот горький пепел по степным дорогам. И первое половодье на Дону отбушевало, и пошла уже вслед снеговой, бурной воде другая, полумеженная, тёплая вода – но не было успокоения в стольном казачьем городке.

Царь Петр Алексеевич спускался вниз по Дону – не шутка.

И хоть ярко пылало солнце в прозрачно-голубом небе, звенели на разные голоса птицы в той голубени и отраднито пушился золотыми барашками приборный ивняк, молча и угрюмо стояли на высоком причальном угоре войсковые старшины с хлебом-солью, и виделась им в верховьях сизая, непроглядная мгла. Знали, что пусто ныне Дикое Поле, разорены и сожжены царскими батальщиками веселые казачьи городки по Донцу, Хопру и Медведице, по Бузулуку, Иловле и Айдару, что за спиной – голод и мор, похоронный плач и смятение, а у царя – свой спрос.

Погуляли казачки вволю, попели разудалые песни с Булавиным да Игнашкой Некрасовым, пустили боярскую кровь ручьями от Камышина до Воронежа – пришло время ответ держать, в упор смотреть в бесноватые очи царя Ерохи.

Вышли толпой на причальный стружмент, сбились кучно, дабы не выделяться на миру ни шапкой, ни ухваткой, а на плечах не парча и бархат, как в старые времена, – зипуны дырявые. Теперь одна надежда – на царскую милость...

Смотрели на затопленную обдонецкую займище, на высокую и мутную воду... И мутен, дробен и текуч был взгляд длинновязого атамана, стоявшего под войсковым бунчуком в окружении старшин. Крепился Илья Зерщиков, сунул срослые свои брови, что смолоду сулили ему счастье, ан

глаза-то и его выдавали.

Кондрата Булавина, главного зачинщика, он все ж таки сумел провести в горячую нору, головой выдать, но беда, что не живого, а мертвого. Про то – первый спрос будет. А второй спрос – почему Игнашка Некрасова на Кубань упустил, в турецкие земли. А третий спрос – почему с тем вором Игнашкой двадцать тыщ сердовых казаков ушло, да еще сто тыщ стариков да баб с детвой... Куда смотрели, черкасские казаки?

А ну, как спросит царь еще и про старую веру?

Атаман Зерщиков вздохнул, оглянулся и зубы стиснул. Поймал летучий и уклончивый взгляд первого помощника своего Тимохи Соколова, и оттого в груди что-то перекачилось горячее, смертной пулей, душа ёкнула.

«Иуда! Рядом стоит, а у самого – камень за пазухой...»

– Держись, Илья? – шевельнул бунчуком над его головой Тимоха. – Держись! Не всякий гром бьёт.

Зерщиков не обернулся больше, срослыми бровями дернул:

– А у тебя что, два ряда зубов, как у Некрасы, что ль? Пытки нам не будет, а уж кнута не миновать...

– С дурной рожи – да ещё и нос долгой! – хохотнул в ладошку Тимоха, чтобы не услышали дурацкой шутки ближние старшины. – В случае чего, Илья, кинемся в ноги ему, мол: прости Христа ради за прошлое да и напредки – тож...

«Смеется! Дурной и на похоронах – веселье...»

– Смутьян ты, Тимоха. Оборотень! – сказал Зерщиков, тая злобу. И снова упулился мутными глазами на текучую воду. Вздыхал и прикидывал.

Знал Илюха, что не только он доносил царю на Тимошку Соколова, но и дружок не дремал, слал тайные отписки... И грызла теперь его великая заботушка: кому из них государь поверит? А ну как не ему, атаману, а Тимохе – ближнему, бунчужному старшине?

Хотя, ежели правду сказать, так никому из них веры не будет: оба хороши...

Тут бабка надвое сказывала... Лукьян Максимов, первый атаман, в позапрошлом году тоже свое выгадывал, на Илюху Зерщикова надеялся, как на каменную гору, собирался Кондрата Булавина с головой выдать и на том царскую милость заслужить. А когда подошло туго, закричали на кругу: «В мешок да в воду его!» – так Илья первый кинулся над ним мешок завязывать...

А был ли у него, Зерщикова, в ту минуту какой иной выход? Ведь Кондрашка в самую силу взошел, его атаманом прокричали. Не было выхода. Не понять только, что завтрашний день скажет. Завтра – чья очередь?

За плечом снова заворожился Соколов, хохотнул в руку:

– Потеха! Один кинул – не докинул, другой кинул – перекинул, третий кинул – не попал!..

Он, видно, о том же самом думал, вражина. Надеется, значит?

А мутная вода с шумом катила вниз, плескала, завивалась тайными водоворотами вокруг толстых дубовых свай. Упадешь, сразу тебя в донную глубину затаяет, как в ту давнюю ночь, у Крымской кручи. Когда Илюха еще молодым был, ходил с Кондрашкой косоглазых крымчаков шарпать...

Наволочко видения давних, полузабытых времен, в тревожную истому кинуло.

Эй, алай-булай, крымская сторушшка!

Сказать правду, он сызмальства завидовал Кондрашке, гулевому бурлаку из Трехизбянской станицы.

А с чего это пошло, так теперь уж трудно вспомнить. На игрищах и скачках Зерщиковы, конечно, сроду в перворяд не вырывались, чересчур длинные ростом были, никакой невладанный конь под ними быстроты не давал, но и Кондрат на джигитовки не ходил в молодости, с домовитыми на спор не лез. В толпе стоял кажинный раз, сушеные горошины в рот кидал, посмеивался. И такая у него чудная привычка, говорят, была, что горошины эти он никогда не глотал целиком, а по-первам

раскусывал. Одну половинку выплюнет, другую сжует...

Стоит и посмеивается, бывало. Не спешил на потешной скачке либо игрище себя показать, потому что знал, дьявол: как дойдет до настоящего дела, тогда, значит, его очередь... Сеча какая, либо ночной поиск, и тогда он – в голове. А дневного света не выносил, окаянный, на темную ночь надеялся. «Молодой месяц, – говорит, – казачье солнышко! Не дремай!»

Соберутся иной раз бурлаки ватажкой, турка либо крымчака шарпать, Кондратия в походные атаманки выкликают доразу, в один голос. И тут уж ничего не переменьшь, слава такая.

Илюха понять этого не мог и, когда еще в бурлаках ходил, своего деда об этом спрашивал. Отчего, мол, Кондрашка Булавина в походные атаманы каждый раз выкликают. А дед, хотя и плохо слышал, все ж таки вопрос его взял в толк.

– А это уж всегда так, внучок, – сказал глухой дед. – Кому булава в руки, а кому – костьль с торбой...

Это уж всегда так.

Зерщиков очнулся, отогнал прошлые видения, ощутив в руке всю тяжесть войсковой булавы.

Вот она, родимая! С прошлой осени... Надолго ли?

А может, и пронесет стороной? Глуховатый дед в те давние годы часто гладил его по несмышленной голове, успокаивал:

«Не тужи, Илюшка, у тебя брови срослые, то – к счастью. Не поймал карася, поймаешь щуку! Мы, Зерщиковы, первые люди в войске, без нас и Дон-батюшка обмелеет!»

Тяжелая булава, с высветленной за долгие годы рукоятью и литой головкой, напоминала о себе. А за спиной гомонили старшины, что-то такое прикидывали, и Зерщиков снова расслышал потешные слова Соколова:

– Не в том дело, что виноват, а в том, что не попадайся! Всяк крестится, да не всяк молится...

Этот оборотень своё мелет, брешет на ветер, словно прибуд-

ный шакал, а того не понимает, что ныне всякий брех в царскую грамоту записывают. Хай шутит на свою голову...

Какие шутки к дьяволу! Вот почти год сжимала рука Зерщикова войсковую насеку, с того часа, когда вымолил он прощение у полковника Василия Долгорукого в обмен на Кондратову голову и на кругу наконец-то прокричали его атаманом, но не было за эти долгие месяцы ни дня счастья и успокоения. И нынче решится все. Жди!

Зерщиков с тайным страхом и жадностью смотрел с высокого стружмента вдоль по реке, туда, где в летучей туманной дымке прятались обдонские кручи, и клином сходилась вороненая рябь вешнего Дона.

На валу ударила пушка. – Показались! Плывут! Едет царь-батюшка!

– Замаячили! – кричали с вешнего вала и сторожевой клетки. И еще ударила пушка.

Глухо раскололся выстрел, и белый клубок дыма завертелся над стружментом. Зерщиков что-то разглядел вдали. Что-то маячило в тумане, похоже на корабельную мачту.

Илья вздохнул тяжело, с хрипом, и скользкий, отполированный за долгие годы ручник булавы вдруг запотел и стал влажным в его руке.

2.

Еще и пушечные дымы не разволокло шалым ветром, а на валу что-то заволновались, притихли казаки. Затажное молчание спустилось вниз, к стружменту, и вокруг атамана не стало гомона. Будто не хлеб-соль в руках, а мотильный камень.

– Не корабль то, братцы... Не корабль! – ахнули на валу.

– Ворота плывут!

– Качели! Каких давно не было!

С осени!

– Столбы с перекладиной, предтечные!

– Ох, сме-е-ертынька-а-а!.. – прорвался голос заполошной жёнки.

Зерщиков и сам теперь уж разглядел. С верховья, где далеким клином сходилась вспущенная полой водой река, сносило по течению шаткий плотик с висельными воротами и смертной перекладиной. И колыхались на шворках длинные, черные тела висельников, а над ними вилось и каркало воронье.

АВТОРСКИЙ ЛИСТ

Николай Ивеншев
«МЫ ВСЕ СТАЛИ
ЖИТЬ НА ПАНЕЛИ»

Авангардный писатель и поэт рассуждает о смерти, странностях любви и индексе счастья.

О дурацких идеях. – Как я придумываю рассказы? Обычно все начинается со странной, пусть даже дурацкой идеи. К примеру, такой. Представьте, утро, спальня. Мужик просыпается рядом с женой, а по другую сторону от супруги лежит... его двойник. И он, этот ненастоящий муж выпихивает законного. Так завязывается моя повесть «Черновик». Ну и далее на эту мысль я, словно на нитку, нанизываю ситуации из жизни, которые меня самого волнуют. Только для книги все постороннее, мишуру я отсекаю. И вот парадокс: вымысел получается крепче и правдивее реальности. О великой силе виртуального говорил еще русский философ Розанов. Он утверждал, что гоголевских помещиков из «Мертвых душ» на самом деле не существовало. Писатель взял какие-то характерные людские черты и возвел в десятую степень. Так и появились Коробочка, Собакевич, Манилов. Автор их выдумал, но они тут же обрели реальную жизнь. Видимо, поэтому он сжёг вторую часть поэмы.

О провидении. – Одна из моих новых книг называется «У казачьего костра». Костер – зона особенная, соборная. На огне и пищу готовили, и грелись в походах и, по поверьям, даже лечили. Такие «места силы» меня очень привлекают и вдохновляют. К примеру, Тарханы – усадьба Лермонтова. Ездил я туда еще в пору юности на студенческие гроши. А знаете, что там происходило во время революции? В развалины превратили и родовое поместье поэта, и два храма. Мужики церковную утварь разворовали, разбили. Дошло до того, что с горок на иконах, как на ледяных, катались! Божья кара ли, но очевидцы утверждали, что потом никто из «катальщиков» не вернулся с фронта.

О любви. – В юности мои чувства были схожи с теми, что испытывал главный герой

«Митиной любви» Бунина. Вот то ощущение, когда влюбленность уже появилась, но ты ее еще не осознаешь. Волшебство! Теперь же думаю, что любовь – эфемерное чувство, которое внезапно нас настигает. И так же быстро улетучивается. Я, наверно, разочарую вас, но я не верю в то, что люди могут прожить всю жизнь, уткнувшись друг в друга носами, дыша в такт. Потому что это неинтересно. Но! Ни в кого не влюбляясь, мы теряем смысл жизни. Поэт без любви – графоман.

О панели. – Так называется одна из моих книг. Почему «Панель»? Мои размышления о том, что мы стали жить «на панели» компьютера, телефона – нам так удобно. Музыка, общение – всё там, не надо никуда ходить. Я не против гаджетов, но знаете, до чего дошли в Японии? Молодежь настолько привыкла к этой зоне комфорта, что ей стало лень хоронить умерших родственников! Помните японский фильм «Легенда о Нараяме»? Действие происходит в 19-м веке. В деревне голод, и, как только жителю исполнялось 70 лет, дети его «за ненадобностью» относили на горку – умирать. Тогда кинолента имела эффект разорвавшейся бомбы! А сейчас японские старики умирают

в одиночестве, и никого это не волнует. Их тела подчас по нескольку дней лежат в домах, пока отпрыски не вызовут специальную службу. И это 21-й век! Я не хочу такого «прогресса». Моя книга – повод задуматься.

О зубастых блокбастерах. – Почему театр выжил в наше время? Просто на нас напало современное массовое кино: хищное, зубастое, поглощающее блокбастерами. И так людей ими «накормили», что они потянулись в театр – за живым искусством. Ну а я к нему с юности был неравнодушен. И в институте, помимо филологического, занимался на факультете общественных профессий. Мастером у нас был Олег Корчиков – актер, который снимался у Шукшина в «Калине красной». Мы и Шекспира ставили, и сами пьесы писали. Мне очень пригодился этот опыт. А вспомнил я о нем... придя в обычную школу на урок литературы. Ведь что там происходит? Ученик оттарбанил стих, получил свою оценку, и всё. И я решил: окрою театр для детей! Будем стихи читать со сцены, писать рассказы, спектакли ставить. И вот уже несколько лет руковожу любительским театром «Мельпомена» в местном Доме культуры.

Радуется, что ребята меняются, увлекают-

ся, и многие уже поступили в театральные вузы. Стараюсь восполнять и нишу современного чтения для подростков, которого в современной России почти нет. Как нет и подростковых журналов.

Кстати, недавно у меня вышла книжка «На спине у ветра» – о крепкой привязанности отца к сыну. Все знают о материнской любви, а о теплых отеческих чувствах ни говорить, ни писать у нас как-то не принято. Ну а книга получилась веселая и озорная.

О счастье. – Есть такое понятие – индекс счастья: набор комфортных условий для жизни. Вот и повесть с таким названием сочинил. Для меня счастье это мгновение. Вот случайно увидел в парке на скамейке девушку с моей книжкой в руках. Её улыбка в этот момент – счастье.

О крыльях. – Меня часто спрашивают – как в тебе уживаются прозаик и стихотворец? Все просто – это два моих крыла. Две птицы, что сидят на моих плечах. Прозу ассоциирую с вороном, а поэзию, по традиции, с соловьем. Их надо кормить, иначе они улетят или тебя самого слопают.

О любимых книгах. – Владимир Набоков, когда в него погрузишься, осязаем. Человек в его прозе, словно букашка в огромном мире. Чем-то он все же похож на Габриэля Маркеса с его «Сто днями одиночества». Может быть, микромиром, всеми этими превращениями, гораздо более реалистичными, чем у Кафки. Нравится и Юрий Казаков – проза его чиста и безыскусна. Одни названия его рассказов чего стоят: «Вон собака бежит», «Во сне ты горько плакал». Нет, и не было на свете такого писателя, говорящего навзрыд, с чистой слезой. Это мое. Но своему младшему сыну Илье навязываю свой набор фолиантов не буду – сробатает дух притивления. Пусть он выбирает. Я и сам живу по Борхесу: «Если дадут линованную бумагу – пишу поперек».

Это был сон. Не явь, конечно. Во сне она с матросским размахом драила палубу. Где же она этому научилась? И палуба, и тряпка сопротивлялись. Палуба кренилась, а тряпка была тугой и тяжелой. Она подумала, что палуба в песке, и этот корабль по пустыне, а не по волнам, тащится в тот Новороссийск.

Ей мешала шуба, но молодая красавица снять ее боялась – утащат. Она больно закусила губу, чтобы не расплакаться. И, кажется, от этого силы её прибавились. Но оглянувшись, заметила – к ней сзади подбирался матрос с деревянным мужицким лицом. Она застыла. Матрос попытался обнять её. Но мойщица, очнувшись, саданула его в грудь черенком швабры. Матрос как матрос, широкогрудый с круглыми глазами, в которых шевелилась дурная сила. Он сказал: «Ну-ну». И попытался выговорить слово, которое ему не удавалось. Она догадалась. Слово было «Экспроприировать».

– Вы все буфите нафимми! – прошепелявил матрос, дёрнув ноздрей, как дикий зверь. Он вздёрнул плечо. И это означало, что мытьё палубы лишь увертюра. А сама опера впереди.

Сон. Сон. Силы прибавились, ведь это был сон. Обыкновенный сон. Верблюд, под названием «Шилка», волочет её, как швабру, по волнистому морю. Туго выжимает. Вокруг ни души. Она сумела-таки сунуть руку под полу своей меховой, из котика, шубки и вытянула оттуда сложенный четверо листок. На нём было написано старым стилем, что подательница сего Теффи Надежда Александровна направляется на юг России для постановки спектакля «Женский вопрос». Внизу листка темнела чернильная печать с молотобойцем.

Матрос читать не умел, но печать на него произвела впечатление: «Ты, знафит, наша...». Глаза его глядели недоверчиво: «В буфке, знафитесь...»

Николай Ивеншев
КАРМИН
рассказ

Зверь попытался отнять у нее швабру. Но Надя крепко прижала черен к груди.

Это явь, не сон. Надя ясно понимала, что матрос, усевшийся рядом на горку из канатов, следит за ней.

– Помоф фовел! Помочь хотел. Горка канатов – бухта. Она вспомнила название из рассказа Станюковича.

Хотел. И на каком-то втором или третьем дыхании Теффи домывала палубу, выплескав на неё все заранее натасканные ведра с водой.

Матрос опять приблизился к ней, но походка у него была иной. Надя поняла, что бояться ей нечего. Она поняла, что звать его Василий, что он проводит её в нужное место, «подальше от эфих». Скорее всего «эфи» были товарищи Василия по революционной борьбе.

Ей пришлось спать во сне на мешках с сеном. Для чего их везли в Новороссийск – загадка. Теффи подумала, что человек всяк, и Василий вовсе не зверь, а вполне милый человек. А она – опрометчивая интеллигентка, коли пустилась в такое плаванье одна без провожатых, ориентируюсь только на свой вывод: женщина, мол, ничем не отличается от мужчины, они равны и вольнолюбивы по натуре.

Утром морской верблюд «Баргузин» высадил Надю Теффи в Новороссийске. А до Екатерино-

дара она добиралась на трясной казачьей подводе за золотое колечко, которое она купила на первый гонорар, полученный в журнале «Сатирикон». На подводе той, по каменной дороге она уже вполне выпала из своего чудного сна и почему то стала думать о

сказочной птице Гамаюн. И как не думать, утро такое чистое, росное. Гамаюн – это поэт Блок, которого она боялась ещё в детстве за то, что он дышал духами и туманами. Не воздухом. Еще у неё болели руки и ноги от вчерашнего вольного, надсадного труда.

Казак в офицерской шинели без погон и с красным пятном по левому борту потребовал за поездку еще и Надину шубу, «жинки гостынэц». Казак по-воробыному подпрыгивал и тербил её за полу этой не по сезону накинутаю одежды. Однако Надя шубу не скинула, и сквалыга в отместку высадил её на краю города.

Нужно было добираться до какой-то улицы Базовской. Странное название «Базовская». Кажется, «Баз» – это двор на казачьем наречии. Да, скотный двор. Скотный. Хотя это вся карусель Теффи нравилась. Обжигала кровь. Она давно отреклась от старого мира с нудными, дежурными фразами, от пахнущих ладаном гостинных, от воняющих дамскими духами тусклыми закутами церковей. Уж лучше солдатская махорка да их нелепая, грубая матерщина. Да, вот же и Блок так думает. Ушли его туманы. Тот возник казак, увидев её взгляд, направленный на красное, расплывчатое пятно, поморщился: «Краска, охра, ставни красны, шоб гарно...»

Да, она отреклась.

На улице Базовской, в комиссариате с шатками, проваливающимися половицами, Теффи опять ощутила себя вязнущей в пустыне, в песке. Комиссар с лицом мелкого царского чиновника схавил что-то с глаз. Слезу, соринку, песок? Он дёргано морщился, пока не

спросил: «Теффи? Ц...цэ...Что-то я помню в наше время конфеты такие продавались, но мне они были не по зубам».

– Какое это ваше время?

Комиссар попытался улыбнуться: «Вас в честь конфет назвали? Что это вы в шубке, не сезон?». Теффи осмелела, даже пристукнула каблуком: «И конфеты, и духи назвали в честь меня».

Комиссар покраснел, странно даже: «Эй, кто-нибудь, позовите Зиночку!.. «И стал чистить, глотая окончания слов: «Артистов вы будите набирать из фабричных работниц, их и в мужчин можно нарядить. С мужиками у революции туго, воюют. Сейчас Зиночка вас на житеё определит. Значит, женский вопрос? Мы его окончательно решим-с-с-с!»

Значит, точно бывший Акакий Акакиевич, экое «эс» развесистое. – Товарищ Пелагеев, вызывали? – с птичьим громким голосом перед ними возникла Зиночка, обтянутая кожей и обвязанная красным кумачовым лоскутом. Пелагеев порывлся в ящике стола и протянул Зиночке клочок серой бумаги, вроде заготовки для самокрутки.

Зиночка, постоянно оборачиваясь, повела Теффи по извилистому коридору. Она, судя по всему, плохо знала это помещение, потому что постоянно тыкались в ненужные двери.

Одна из них вела во внутренний двор, откуда слышались ленивые, винтовочные залпы. Дверь была измазана охрой, как белогвардейская шинель казака, везшего её из Новороссийска. Зиночка дернула и без того болезненную руку Нади: «Не сюда, не сюда... У нас в общежитии на каждую комнату чайник полагается».

Конечно, Надя знала, что это были за выстрелы, ведь она «ходила на войну», была санитаркой, сестрой милосердия и фронтовым репортером. Теффи обернулась к кумачовой Зиночке. И увидела, как в красном обрамлении пугливо пляшет её лицо.

– Ликвидация элементов! – Зиночка справилась с лицом и рванула плечо своей подопечной.

В детстве, в запретном дамском журнале Надя прочитала, что кроваво-красные губы чрезвычайно привлекательны для мужчин и что для того, чтобы достичь желанного эффекта, губы те красить надо не охрой, а кармином. Все это мелькнуло в её голове. И она опрометью кинулась бежать назад, к выходу. Зина кричала вслед: «Куда вы, не сюда!.. Как вас там, не сюда...». Так же испуганно, как лицо у Зиночки, дрожали её губы-зубы, выбивая: «Кармин же добывается из кошенили, такого червеца, вроде мокрицы. Сушат кошениль и размалывают в порошок. Самая лучшая краска получается из араратской кошенили». Бывало и так, что слова в тяжелую минуту сыпались из воздуха. И тогда они спасали.

– Из-араратской кошенили. На горе Арарат растет красный и крупный виногrrрад!

Ни в чью провозку Теффи не хотела садиться. Шуба согревала её. И Надя тупо брела по-звериному чуя нужную дорогу, перевалила дух на суглинистых земляных валах, глазами лишь отмечая чахлаю, вянущую траву. Пока не свалилась на обочине. Странно, что её подобрал тот же казак, который вёз её в Екатеринодар: «Доця, – Теффи слышала, – Доценька моя, шо ж це таку, яка красавыцэ, а в пыли уся!» В сонном бреду шепелявый матрос выводил «Тефушка Натя, чаво табэ надо, ничего не нада – акроми шоколата»

Надежда Теффи отплыла с последним (говорят так) пароходом от берегов рухнувшей Империи, той самой, в которой сам Самодержец Российский приглашал её на бал в честь трехсотлетия династии Романовых. Она была единственная из всех российских писателей, приглашенная на это великопелёе.

В чужих берегах, в Париже, она никогда не красила губы красным.

ПРОЗА

1

Горловка – это город моего детства. Место, где родительский дом, тёплые воспоминания и первые мечты слились воедино. А после того, как я вынужденно покинула Украину в 2014 году, Горловка стала городом-наваждением. Там остались мои родные, а вместе с ними и моё сердце.

Спустя три года, осенью 2017 я осуществила заветное желание, купила билет на рейс «Анапа – Донецк» и вечером пятого ноября отправилась в путь. К родителям. К маме... Первый город новой республики, который мы проехали – Харцызск. Потом миновали Макеевку. В это раннее воскресное утро она была почти безлюдна. Я вглядывалась в проплывающие мимо витрины магазинов, баннеры, патриотические постеры с обаятельно улыбающимся главой Донецкой республики Захарченко и искала... Сама не знаю, что.

Макеевка плавно переросла в Донецк, проспект одного города сменился закоулками другого, петляющими, скверными дорогами. Так я поняла, что начался «иной мир», полувоенный, полуосаждённый. Автобус старательно объезжал опасные места, оставляя так называемую линию фронта в стороне.

Донецк, несмотря ни на что, жив. Город чист, уютен, как и положено всякой столице государства, пусть маленького и непризнанного. Я, помнившая его шумным, монументальным, обратила внимание, что машин почти нет, вывески на фасадах домов поредели, да и в самом воздухе чувствовалась некая настороженная неопределённость.

Южный автовокзал тоже изменился. Он будто уменьшился в размерах, хотя занимал ту же площадь. Я купила билет на ближайший автобус до Горловки, сдала сумку в камеру хранения, немного прогулялась по территории и стала ждать маршрутку.

Когда к платформе подъехал дребезжащий «пазик», я была ошеломлена. Вот каким оказался ещё один признак военного времени Донбасса. Зачем пускать хорошие машины туда, где есть шанс быть обстрелянным, да и дороги за последние несколько лет так же пришли в упадок.

Автобус заполнился людьми, такими же сумрачными (как верно передаёт это слово душевное состояние большинства из них), как и окружающая действительность, и мы тронулись в путь. Перед отправлением в салон зашла женщина. Наверное, её история была не в диковинку: дом сгорел после одного из обстрелов, ни денег к существованию, ни работы нет, а на руках годовалый ребёнок. Чтобы разжалобить нас, она оттянула ворот свитера, демонстрируя рубец от осколка.

Дорогу из Донецка в Горловку я не заметила. По большей части я была погружена в раздумья о предстоящей встрече с родителями, переживала мысленно первые впечатления от Донецка. Сожаление и тоска по утраченному сжимали сердце. Где же ты, город моего прошлого, и куда я еду? Что ждёт меня в том новом, неведомом мне месте?

Горловка встретила морсью. Мы быстро миновали Пантелеймоновку, небольшое селение на окраине Горловки, и оказались в черте города.

Автостанция была пустыня. Несколько автобусов, не более десятка людей, сырой влажный воздух и тишина – вот чем меня встретил любимый город. Я не успела выйти из автобуса, поставить под навес сумку с вещами, как ко мне подбежал папа. Мы суетливо и радостно обнимались, задавали друг другу глупые, но так важные вопросы, а потом направились к остановке. Перед тем, как оказаться дома, я должна была проехать ещё в двух автобусах.

Мы миновали памятник-танк и спрятались под пластиковый навес остановки ждать своего маршрута. «Первая марка», как называет отец, подъехала быстро. Это был давно не мытый автобус Ла3, дребезжащий всеми сочленениями, такой же пыльный внутри, как и грязный снаружи.

Отмечу, что содержать машины чистыми в Горловке проблемно из-за вездесущей угольной пыли. Пусть в это непростое время шахты закрыты, но чёрный осадок на всём –

Анна Ходотай ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

это неизбежность промышленного города. В холодное время года даже воздух горчит, так всё пропитано дымом топящихся печей. Дальше наш путь лежал в Никитовку.

Город миновали быстро, я с интересом разглядывала в окно знакомые с детства места, отмечала изменения и необычную

С мамой Ниной Дерновой

пугливую тишину, всё так же сопровождавшую нас. В один момент папа тронул меня за рукав, заставляя обратить внимание на то, что вижу. Мы как раз объезжали разрушенный мост. Огромные бетонные плиты рухнули перевёрнутой буквой «Л» на железнодорожные пути, соединяющие станцию Никитовка со станцией Трудовая. Это произошло в июле 2014 года, почти сразу после моего отъезда. Несколько лет жители Никитовки и близлежащих посёлков не имели иного сообщения с городом, кроме узкой ленты тротуара, соединявшей обе части моста.

В июне 2015 года после капитального ремонта открыли Старый мост, и наш Ла3 бодро двинулся вперёд, почти не притормаживая на поворотах. Мы проехали таможенный пост – нововведение военного времени – и через пару минут были в Никитовке.

Привокзальная площадь, где мы с папой высадились, носила яркие следы событий, изменивших историю и региона, и страны. Не было крытого мясного рынка. Пустовала большая часть уличных ролетов.

До войны Никитовский рынок, как вещь, так и продуктовый, был весьма популярен среди населения. А теперь? Малая часть былого. Да и та не скрывает ужасающей правды: кто бы ни делил власть, страдают в первую очередь простые люди.

Задерживаться тут мы не стали, дождалась «81» рейс, который соединял Никитовку с Гольмой, и поехали дальше. Оставалось совсем чуть-чуть. Родительский дом находится рядом с Гольмовской трассой, почти посередине между этими двумя посёлками, на маленькой улочке, спрятавшийся за старой разросшейся елью и шелковицей.

Ещё немного, всего пара минут, и я взойду на крыльцо, толкну деревянную дверь веранды и скажу: «Здравствуй, мама...»

Воспоминания, казалось, почти забытые, хлынули потоком. Будто цветные картинки или кадры фильма мелькали перед моим мысленным взором. Я снова проживала всё, что происходило со мной когда-то. Вот мы с двоюродным братом забрались на крышу сарая, где хранился уголь, и обкидали со-

седскую собаку яблоками. Мы представляли себя рыцарями, защитниками добра, а бедное животное, прикованное цепью к будке и злобно облаивающее нас из своего укрытия, конечно же, было драконом, вредным и очень злым.

Я так задумалась, что не заметила, как преодолела те несколько десятков метров, что отделяли меня от калитки, повернула ручку и зашла во двор. В такие моменты принято говорить, что весь мир замирает. Это не так. Весь мир стал иным. Неважно, что там, за забором, где грохочут выстрелы, и насколько тяжёлыми оказались первые впечатления. Я снова стала той маленькой девочкой с двумя косичками, вечно расплывающимся в улыбке ртом, беззаботной и лёгкой.

На крыльцо выскочила мама.

– Наконец-то. Я уже все глаза в окно высмотрела. Нет и нет. Я переживать начала.

Мы обнялись, потом расплакались, как и положено впечатлительным женским существам, прошли в дом. Внутри даже пахло так, как и три года назад: сдобой, теплом и уютом.

За неделю, что я провела у родителей, мне часто приходилось выезжать в центр города. По утрам я отправлялась на Гольмовский поворот, место, где Артёмовская трасса раздваивается и уходит одной частью на северо-восток, к Гольме, а другой и дальше стремится в город. Именно на этом перекрёстке расположен таможенный пункт, и суровые мужчины в камуфляже и с оружием в руках досматривают почти каждое авто, что проезжает мимо них. Здесь же находится автобусная остановка и называется она соответственно: «Поворот». До войны она находилась в другом месте, ближе к мосту, но теперь трасса перекрыта, мост взорван, все машины идут в объезд. Навес и скамейки сиротеют в стороне, а люди не менее сиротливо ожидают транспорт на утрамбованном участке земли, под открытым небом.

До Поворота можно доехать на автобусе. Проезд в маршрутках составляет восемь рублей, оттого в Горловке мелочь на вес золота. А ну, насобирай сдачи, если кто протянет пятьдесят или, не дай бог, сто рублей. Я же предпочитала идти пешком. Так же, как и в детстве.

Этой дорогой я много лет ходила в школу, поликлинику, библиотеку. Проходила мимо «Молотка» – огромной кирке, единственного, вместе с полуразрушенным офисом, напоминания о Горловской геологоразведочной экспедиции, знаменитой когда-то на весь Советский союз.

Улица возле Молотка засажена каштаном. В первый день я обратила внимание на их обгорелый вид. Спросила у отца. Он ответил коротко и лаконично: «Грады», поделился подробностями, что знал. Я была шокирована.

Как всякий человек, слышавший отголоски страшных событий по новостям и со слов близких, я воспринимала его рассказ отстранённо и одновременно с состраданием. Хотя и эти слова не опишут того, что испытывает человек, осознающий, что на этой улице стояли тёмные грозные машины, выпускающие на волю смерть. Не в далёкой Сирии, которая тоже на слуху. Не за океаном, где всем и каждому позволено иметь оружие, а значит и право его применять. Здесь. Где я девочкой бегала на первые свидания, мимо белых свечек цветущих каштанов.

Выше ГРЭ по левую сторону от дороги голубеют ворота мебельной фабрики. Она кажется заброшенной, но несколько цехов

работают. Работает и «Альянс», небольшой магазин напротив фабрики. За ним, если повернуть налево – школа. Я так и не решилась зайти в неё. Страх разрушить ещё одно прекрасное воспоминание детства не позволил мне это сделать. Каждый день, проходя мимо «Альянса» и поворота к школе, говорила себе, что на обратном пути или завтра... а потом наступил день отъезда, а моё «завтра» так и не сбылось.

От магазина я поднималась вверх, по разбитому тротуару, мимо пустыря по левую сторону от меня, проходила заброшенный блиндаж, блокпост, и вот я уже на Повороте. Некогда оживлённая дорога почти пустыня. Её запросто можно перейти в любой момент, не опасаясь за свою жизнь.

Военные на блокпосте на пешеходов почти не обращают внимание. Но это ленивое безразличие обманчиво. Поверьте, они быстро среагируют на любую попытку достать телефон и сфотографировать их.

В город я добиралась либо четырнадцатым, либо первым маршрутом. Доезжала до центрального рынка, выходила, а там уже полагалась только на свои ноги. Гуляла по улицам, заходила то в один, то в другой магазин, приглядывалась к людям, прислушивалась к их разговорам. Мне очень хотелось понять, что же случилось с моим любимым городом, каким он стал без меня в это нелёгкое для него время. Он будто шагнул назад, в пропасть неустроенных девяностых, когда заброшенность и ненужность виделась во всём. От этого становилось не по себе и каждый раз, замечая неприглядные симптомы больного войной города, мысленно взывала: где же ты, город моей памяти?

В один из дней мы с мамой зашли в небольшой магазинчик бижутерии. Здесь было всё: от простых резинок, до ярких, украшенных самоцветами гребней. Мы рассматривали товар, показывали друг другу, что понравилось, вели себя, как и положено двум любящим красивые вещи женщинам. Продавец, мужчина средних лет, смотрел на нас угрюмо и нетерпеливо. Ждал, когда же мы хоть что-то купим. В один момент, услышав наш негромкий смех, мужчина взорвался гневной тирадой о нашем бессердечии, жадности и излишней весёлости в городе, где жизнь и без того тяжела. Я опешила, но моя мудрая мама ответила так:

– Никто не хотел этой войны. Мы не звали её. Мы просто хотели жить спокойно и быть уверенными в завтрашнем дне. Но я не собираюсь теперь убиваться и рыдать над осколками моего разбитого настоящего. И то, что я могу ещё шутить над собой и миром в это непростое время, значит, что я ещё жива.

Когда в город я выбиралась одна, мои прогулки можно было сравнить с паломничеством. В такие моменты я растворялась в окружающем, становилась частью улиц, серых домов, облесших вывесок, прохожих. Становилась частью тревожной тишины, которая в любой миг может смениться гулом и канонадой. Я побывала в сквере возле мемориала погибшим жителям – гранитное разбитое сердце, плачущий ангел и четыре плиты с именами погибших. За этим скрываются слезы родных, сломанные судьбы и безмолвный, но от этого не менее яростный вопрос: «За что?». Об этом спрашивает и мадонна с младенцем, изображённая на стене Горловского техникума ДонНУ. Её скорбный лик напоминает о том, что забывать нельзя: в играх кукловодов, делящих наш мир, страдают прежде всего беззащитные и невинные.

А потом наступил день отъезда. Неделя пролетела быстро и незаметно, напита меня новыми впечатлениями, знанием и грустью. В сердце поселились разрушенные дома, остовы сгоревших дотла машин, пустынные улицы. Я смотрела в окно автобуса на проносившиеся мимо поля, а думала о другом. О печальных глазах моих родных, о ночах, проведённых ими у дальней глухой стены, подальше от окон, чтобы в минуты интенсивных обстрелов их не задело осколками. Думала о людях, живущих в Горловке и покинувших её, о событиях, изменивших не только историю, но и нас самих. О людях, прятавшихся в подвалах, их собаках и кошках, жмущихся к хозяевам. О детях, поневоле повзрослевших за одну зиму или год. Обо всех, кому не посчастливилось на собственном опыте узнать, что такое война.

ПОЭЗИЯ

Ирина Ковалёва

Москва

Поэт, переводчик, журналист, руководитель секции художественного перевода и член правления Союза переводчиков России, член Союза писателей Москвы и Клуба писателей Центрального дома литераторов в Москве (ЦДЛ), организатор и художественный руководитель международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» и «Степная лира» в станице Новопокровской, лауреат литературных премий.

ЗАОСЕРЕДНЫЕ САДЫ

Заосередные сады
За речкой Осередь
Цветут весной на все лады –
Тут есть, что посмотреть.

Стоят гранаты, как князья,
Сорвав цветенья куш.
Заосередных жён мужья
Вон тех объелись груш.

Сладка черешня здесь, как лещь,
И просят не со зла
До Спаса яблочка не есть
Вот с этого ствола.

И сливы тоже хороши –
Живот их ждёт урча.
А осередь садов души –
Черешня, алыча,

Ещё шелковица, а тут
Жердели и инжир
Зовут не счесть вступить за труд
В плодовой клуб транжир,

Где самовыросший дичок
Прошёл обид привой
И о своём свербит сверчок
Под скошенной травой.

БЕЛОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Белогорский монастырь,
Меловые горы,
Моря бывшего пустырь,
Ангельские хоры.
Рядом Россось и Битюг,
Дождь грибной непрытко,
В облаках открылась вдруг
Райская калитка.
Я не близостью конца
Света всех стращаю,
А присутствие Творца
Всюду ощущаю.
В камышах и скирдах Он
(Мир – его пробирка),
Там, где с надписью фургон
«Душ, еда и стирка»,
Где в мытье боков коты
Отправляют нужды:
Проявленья чистоты
Все Ему не чужды.
Белогорский монастырь,
Горы меловые:
Едем сквозь степную ширь
Вечные, живые.

СЕРДЦЕ РОССИИ

Ефремов, Воронеж, Ростов-на Дону,
Я в этих названьях, как в море, тону,
Нырнув за орбиту Московских колец,
Где ели без цели рассеял Елец.
В Кобылинку лошадь ведут под уздцы,
В Кончинке концам сочиняют венцы,
В Акимо-Ильинке, как слышала я,
Всех мальчиков кличут Аким да Илья.
Махринские Выселки небо махрят,
В Татарниках орды построились в ряд,
Как будто опять затевается сеча
У речки с названьем Красивая Меча.
Сухие Плоты и Большие Плоты
Всё ждут переправы на берег мечты,
И вечно целуются все на обочке
Моста через речку любви – Голубочки.
Дубровка, Борятино, речка Турдей,
За ней Лебедеянь в лебеде лебедей,
На дно уожу, в разнотравную глушь –
В Репец, Хмеленец, Шиворонь, Теребуш,
Где, даже когда уже солнце зашло,
Всё пышет как печь Воловое тепло.
Ефремов, Воронеж, Ростов-на-Дону:
Всё то, через что я не перешагну,
Здесь сердце России, а может, ребро,
Аз, Буки и Веди, Глаголь и Добро.

Без берёзок южная Россия:
Солнце жарит так, что только пей!
Бабушка моя Анастасия
Род вела из Сальских из степей.
От неё и глаз разрез восточный,
И коса в обхвате как рука.
Ход калмыцкой конницы поточный
Кто прочтёт в спиралях ДНК?
Чьи-то бабки надевали лифы,
Деды звали слуг, чтоб взбить тупей,
А в моём роду резвились скифы
На лошадакх посреди степей.
Уж они на них джигитовали!
Мчались ак – ищи-свищи следа!
А балов ни разу не давали
И не собирались никогда...

ИВАН ДА ИРИНА

Иван да Ирина, но это не мы.
То прадед с прабабкой взирают из тьмы,
Прожившие жизнь без особых прикрас,
Как в двух зеркалах отражаются в нас:
В мать дедову именем я и лицом.
По кругу мы ходим – кольцом под венцом,
Не зная, где их дотлевают гробы,
Не ведая про неслучайность судьбы.
Мне в ниточку брови прабабка дала.
Она шестерых сыновей родила,
По всем суковаткой прошлась борона:
Война, раскулачили, снова война...
Иван да Ирина, но это не мы:
Утраченной памяти предков дымы,
Где нет ничего про запас, напоказ,
Лишь Господу ведомый только рассказ...
Меня отражение спросит: кто ты?
Присвоила чьи ты мечты и черты,
Излучину губ, червоточину глаз?
Ведь нет своего ни в едином из нас!
Но облик любой прорастают насквозь
Те, чьими корнями питаться пришлось:
Пусть каждый в отдельности был
невелик,
Но лиц наложенье сплетается в лик,
И их голоса, будто двери кают,
В едином пространстве гортани поют.

МОЛОГА

Не в прожарке мяса дело –
Чтобы внутри немного сыро.
Ничего вкусней не ела
Хлеба чёрного и сыра!
Не сравнятся в пасте с пыла
Никакие осьминоги
С тем, как хлеб нам вкусно было
Есть в пекарне на Мологе!
А гусятинка –
Пир рождественский француза –
Разве ярче, чем гущёнка
В радости оттенков вкуса?
Кто ходил в поход по речке,
Не до мраморных говядин –
До тушёнки и до гречки
Повсеместно будет жаден!

Для тебя, может, слишком,
Ну а мне – в самый раз
Выходящее дышлом
Кровоточие фраз.

Безмятежность коровью
Скорчь, скажи, что плохи
Прохлеставшие кровью
Через горло стихи.

Жизнь прекрасна, как Демон,
Что уселся в траве.
Всесоужетие тем он
Исчерпал в голове

И как манит солодкой:
«Ну, давай, удиви!
Выпой лопнувшей глоткой
Стих, как Спас на Крови».

Ведь оно не надбровно –
В череп незачем лезть.
То, с чем связаны кровно, –
Лишь искусство и есть.

АРМЯНСКАЯ РЕЗНЯ

В поэзии всё сводится к умению
Мир видеть на бумаге, что бела.
Мне этот лист – как проездной в Армению,
В которой я ни разу не была,

Хотя её и сопричастна горю я,
Что сеет в душах скорбь своих семян,
По прадеду, по Рябуху Григорию:
Под Эрзерумом он спасал армян.

Казачий полк был назван в честь Тамани и
На фронт Кавказский послан для атак.
От той резни до Гитлера в Германии
По сути оставался только шаг...

1918-Й ГОД

Я поэтесса южной школы,
Казачка, вот и все дела.
Я детства обморок весёлый
В степных станицах провела.

Дом, не нуждающийся в ставнях,
Глядел оконною душой
Вдаль, где недорасстрелян в плавнях
Был брат прадедушки меньшей.

Он выслужился в офицеры
За храбрость в первой мировой,
Антоновские люциферы
Не поняли, что он живой.

Они его недострелили
(Свист пуль их у меня в ушах):
Как в братской он лежал могиле
До самой ночи в камышах.

Всей генной памятью опять я
Тел коченеющих тюки
С ним рядом вижу: пали братья –
Станичники и земляки.

Их не присыпали лопаты,
Холм не зарос их чабрецом.
Лишь он один утёк в Карпаты,
Завёл семью и стал отцом.

А прадед (он прошёл траншеи,
Отдал концлагерную дань),
Сорвал в тот год свой крестик с шеи
За то, что проклял Бог Кубань...

СТАНИЦА НОВОПОКРОВСКАЯ

Мне счастье выпало родиться
В день равноденствия, весной,
В степной станице – не в столице,
В субботу, то есть в выходной!

В роддоме спеленали ловко
И в хату к деду принесли,
И для меня Новопокровка –
Центр не района, а земли!

Меня уже успели взвесить,
Мне пальцы сосчитала мать,
А тётя (тёте было десять)
Решала, как меня назвать.

Не затынулись повиликкой
Рубцы войны за двадцать лет,
Поэтому хотела Викою –
В честь самой главной из побед.

А дядя спорил: «Липой надо!»
(А дяде нет и двадцати)
«Ведь летняя Олимпиада
Должна в Японии пройти!»

Но по традиции старинной,
Легко, как пироги пекла,
Решила бабушка: «Ириной», –
В честь двух прабабок нарекла.

И было ветрено и сыро,
И в семь утра еще темно:
Мне дали имя ради мира –
Так переводится оно.

И я считала, подрастая,
(И мысли были те верны)
Родной райцентр свой центром рая,
А не провинцией страны,

Где в двадцать пять с рождением новым
Воспряла, как сады цветут,
Под Богородицы Покровом,
Когда меня крестили тут.

2.

Когда-то здесь прошла граница,
Суворов сам возвел кордон!
Собой линейная станица
Прикрыла и Кубань, и Дон.

А мы на эту речку Ею,
На тот рубеж – поди возьми! –
Ватагой босоногой всею
Купаться бегали детьми.

Нам даже не могло присниться,
Что грань набегов тут была,
Что северной своей столицей
Покровку вся Кубань звала!

Что тут на двух столетий стыке
Коммерческий открыли клуб,
Что по брусчатке плыли блики
От фонарей и тени куп,

Что был кинотеатр, больница,
Храм, телеграф, водопровод,
Что шли общественные лица
В Собрание на показы мод!

Я век её запомню медный,
Когда войною обожгло:
Как жили голодно и бедно,
Как поднимались тяжело,

Как маме надо было в школу
Идти, а нечего обуть...
И сквозь меня, подобно сколу,
Прошел степной станицы путь.

Ей стукнуло сто девяносто,
Она в разгаре славных дел.
Кто ожидал, что будет просто,
Тот в воды Еи не глядел!

КУБАНЬ

Пройди Кубань от Каменской
Хотя б до Каневской
И заболей, как Анненский,
Державною тоской.

Приди домой по гравию
С чужбинной стороны,
Зубривший географию
Распавшейся страны,

Благодаривший Кению
Замбези и Судан
За Пушкинского гения,
Что был России дан,

За Гумилёвской Африки
Диковинные сны –
В стране, которой графики,
А не стихи нужны,

Не выдумки про Одина,
А ядерный чертёж,
Что вслед варягам Родиной
Своею ты зовёшь.

РУБАШКА

У паренька в кармашке
Ребячий всякий бред.
Я родилась в рубашке,
А он, как видно, нет,

Хоть в мир пришли, упрямы,
Мы в день один и час,
В одной палате мамы
Рожали хором нас.

Дойдя к шести до точки,
Произвели на свет
Двоих: меня в сорочке,
Его, как видно, нет.

Вон там – за магазином
(Как вышло так – вопрос!)
Обрызгал друг бензином
И огонек поднёс.

И побежал он, плача,
По улице в огне.
Ведь вся его удача,
Боюсь, досталась мне.

Мать убивалась, воя:
Страх на неё смотреть...
...Мне жалко всё живое,
Что может умереть,

Что раньше срока вянет,
Чего не отмогилить,
Что смерть прилюдно станет
Кабанчиком смогилить.

Последнюю букашку
Спасу, в ладонь приму.
...Когда б могла, рубашку
Я б отдала ему!

ДЕБЮТ

Елена Жуева
ст. Курчанская

СУДЬБУ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ВЫБИРАТЬ

Рассказ

*В сердцах печали оживает след,
Судьба погибших очень нелегка
Тех проклятых суровых лет,
А память подвигов живёт века.*

Возле узкоколейки – железной дороги, находились наделы земли, которые колхоз ещё до войны выделял сельчанам в пользование, и после уборки урожая там можно было найти картофель, свеклу, морковь и кукурузу.

Во время войны вездесущие ребятишки с сумками из мешковины часто появлялись на этих земельных участках, якобы собирая гнилой картофель и мёрзлую свеклу, а сами следили за железнодорожным полотном. Со стороны это выглядело правдоподобно, поэтому враги не обращали внимания на сельских мальчишек.

В этот раз на путях стоял длинный состав с открытыми платформами, на которых находились танки – «тигры», мощные пушки, ящики со снарядами и большие тёмно-синие бочки с какой-то немецкой надписью. Платформы усиленно охранялись военным караулом.

С утра фашисты врываются в дома, сгоняли мирное население – стариков и женщин, в сторону железной дороги для выполнения тяжёлых работ по укреплению позиций. Это помогло Гале запомнить расположение охраняемых постов, так как у неё была хорошая зрительная память. Поздней ночью муж Гали, Агоп, и её брат Назарет пришли за гостинцами – хлебом для партизан, и она передала схему укрепления, где было указано количество и расположение немецкой техники. Сидя на табурете возле печи, уставшая от изнурительного труда Галя удивлялась:

– Какой тихий вечер, как будто и нет войны... Ни выстрела, ни возни на улицах. Тишина....

Сестра Гали, Настя, еле волооча ноги от усталости, сказала: «Такое затишье бывает только перед бурей».

– Сестричка, пойдём спать, ведь завтра рано вставать, – попросила Настя.

Посёлок Калинин окутала глубокая ночь....

Где-то далеко запел петух. оповещая, что наступило утро, озарившееся багряным заревом на небе.

– Надо же, не всех домашних птиц успели забрать изверги, кто-то уцелел, – заметила Галя.

Женщины и старики тачками возили землю, укрепляя железнодорожную насыпь. Вечером Галя накормила детей, чем Бог послал, и, уложив их спать, встречала женщин-пекарей, предварительно протопив русскую печь и разворошила угли, на которые поставили формы с тестом, закрыв заслонку. Когда хлеб был готов, его вынули из печи и отнесли в кладовую остывать...

Женщины разошлись по домам, когда на посёлок опустилась тихая звёздная ночь. Где-то высоко в небе нарождалась молодая луна...

Галя спросила сестру Настю:
– Как ты думаешь, сколько будет стоять на путях этот вражеский состав?

– Ты же понимаешь Галя, днём к нему не подойти, он усиленно охраняется, но не успела она договорить, как вдруг....

Мощные взрывы потрясли всю округу. Ночь озарилась огненно-ярким фейерверком...

Состав горел со всех сторон, превратившись в единое зарево, а у домов стоящих рядом с железной дорогой вылетели стёкла, и кое-где рухнули старые сараи. Завязавший бой с фашистами продолжался всю ночь. Свистели пули и слышны автоматные очереди. Были убитые и раненые. После уничтожения гитлеровского состава и охраны, подоспели подводы, погрузив раненых и погибших, поспешили в лес. Нужно было успеть вывезти жителей с улицы Железнодорожной, пока затишье, и нет нового наступления врагов.

Бойцы помогли населению строить шалаши, чтобы выжить в лесу. Партизанский отряд пополнился новобранцами. По радиации пришла радиограмма, где сообщалось, что этот уничтоженный состав оказался стратегически важным объектом, и командование объявило всем войнам благодарность, даже юным бойцам невидимого фронта...

После войны Назарет вернулся в Нижнюю Черниговскую Апшеронского района к своей семье: жене, сыну Хазару, дочери Вале. Из четырёх братьев только он остался в живых, а остальные погибли в боях за родное Отечество. Им, героям того времени, судьбу не приходилось выбирать....

Семья Ашикорян была многодетная: семеро сестёр и четыре брата. Из старшего поколения в живых нет никого. Род продолжают дети, внуки и правнуки.

Вечная память павшим!

Хаматгалеева Алена
Победитель краевого фестиваля-конкурса

«Литературный голос Кубани»

14 лет, Кропоткин

ПОДВИГ ОТРЯДА НЕДОРУБОВА

*Посвящается
Недуробову Константину Иосифовичу,
полному Георгиевскому кавалеру,
Герою Советского Союза*

Есть место одно среди Кубанских полей Там в роще поёт по утрам соловей. И ветер играет зелёной листвою, Да снегом кружит чёрно-белой зимой. И там, закалённый дождём и жарой, Стоит обелиск под берёзой седой. Прохожий задумчиво надпись прочтёт, И ветер о прошлом ему напоёт. Когда-то давно здесь гремела война. Вся в ранах земля и от горя черна. Фашистские варвары были сильны В неравных боях дикой злобой полны. Их танки стреляли, взрывали и жгли. По русским полям смертоносно ползли. Погибли советской пехоты бойцы. Остались в полях сыновья и отцы. Но им на подмогу – казацки войска, Примчались лавиной, как с кручи река. Ведь как свои земли врагу отдавать? Родные станицы с землёю смешать? Их бурки, как крылья, и сабли остры, А быстрые кони верны и храбры. И пусть у фашистов на танках броня. Казак не боится их пушек огня! Попятились немцы, увидев отряд, Трусливо по полю пустились бежать. Война отгремела, Промчались года, Но подвиг героев мы помним всегда. И памятник скромный под алой звездой, Как страж охраняет Наш мирный покой. В нём души героев, их стоны, их кровь. И к нашей Отчизне святая любовь!

И зачем-то с позёрством ненужным Перепрыгивал жаркий костер. Помню сад, побелевший весной, А сирени кудрявой кусты Как распахнутся перед грозой Те далекого детства цветы. Подрастал я и креп на просторе, И веселье мне любо и труд, Но случилось нежданное горе, Что великой войной назовут. Слишком юн, но в долгу не остался И позором себя не клеймил. Я в казачьем отряде сражался, Ненавистных фашистов рубил». Дед заплакал, друзей вспоминая, Что на веки остались в степях. Ах, какие орлы погибали В тех, жестоких, кровавых боях. Знай, отец, что года пролетают, Но Кубань на героев щедро, Дух казачий никто не сломает, Не сотрут никакие ветра. Жить мы будем без лени и злости И беречь самый солнечный край. Если добрые явятся гости Испечем золотой каравай. Ну, а если вражина нагрянет, Чтобы небо с землёю смешать, Не боясь, наша молодость станет До последнего край защищать!

СИРЕНЬ

*Посвящено воспитанникам
детских домов...*

Сирень согнулась и сломалась, На пустыре под шум ветров, За жизнь отчаянно цеплялась, Но приговор ей был суров. Вокруг лишь камни да руины И чернота сухой земли. Никто ей ветки не поднимет, Никто ей боль не утолит. Ах, если жить бы ей досталось На влажной почве среди друзей, Она с жасмином бы шепталась, Ей был бы принцем соловей. Она дарила бы букеты И осыпалась на траву Спала зимой, шептала летом: Спасибо, небо, я живу! Но звезды холодно светили, И резок ветер в ноябре, И гибнет тот, кого забыли Среди руин на пустыре.

РАССКАЗ СТАРОГО КАЗАКА

За рекою Кубанское поле Зарастает весенней травой Как же любит резвиться на воле Жеребёнок кобылы гнедой Мы сюда приезжаем не часто, С нами просится старенький дед, Он к реке обращается: «Здравствуй, Не видались уж несколько лет. Здесь когда-то на хуторе южном Я с мальчишками строил шатер

НАМ ПИШУТ ЧИТАТЕЛИ

«...учит быть добрее»

Рассказ «Спор» Ольги Немькиной меня очень тронул. Эта история заставляет задуматься о многом, о добре и зле, о спорах, которые могут привести к большой беде, о дружбе, которую не купишь ни за какие деньги, о любви и преданности. Я был очень рад, что эта история закончилась хорошо. Мне до слез было жаль щенка Дружка, и я злился на Саньку за то, что он не понимал, что его спор мог привести к смерти верного друга.

Мы часто совершаем неправильные поступки, о которых потом сожалеем. Ставя перед собой цель, мы, бывает, не замечаем, что из-за этого кому-то может быть плохо. Надо всем людям смотреть почаще на себя со стороны. И хоть на минуту задумываться, всё ли я делаю правильно. Надо уметь радоваться простым вещам, радоваться тому, что у тебя есть, ведь зачастую у нас есть все для счастья.

Стремление чего-то достичь в жизни хорошо, но надо ко всему подходить разумно. Мне понравилась эта история, она учит быть добрее, внимательнее, ответственнее, и что может случиться, если на первом месте у тебя только собственное «Я» и твои желания.

Прудкогляд Трофим,
пятиклассник, читатель Забойской сельской библиотеки

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Коммунаров, 58
тел.: 8(988) 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
http://sites.google.com/site/sprosia
и https://sites.google.com/view/krospr-gazeta
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74
Заказ № _____

Подписано в печать
17.05.2018 г.
по графику в 10.00,
фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная